

СТАТЬИ

УДК 340, 342

Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики

К. А. Чуйченко, Н. М. Кропачев, В. Е. Кондуров

Для цитирования: *Чуйченко К. А., Кропачев Н. М., Кондуров В. Е.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. 2024. Т. 68, № 2. С. 156–165. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.201>

Данная статья посвящена исследованию правовой природы Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, определению роли и влияния данного документа стратегического планирования на правовую систему Российской Федерации. Авторы приходят к выводу, что названные Основы государственной политики представляют собой политико-правовой акт, который в силу специфической природы закрепляемых им ценностей обладает особой юридической значимостью в правовой системе России. Во-первых, от многих других стратегических документов рассматриваемые Основы государственной политики отличаются с формальной точки зрения тем, что были утверждены Указом Президента РФ, который в соответствии с Конституцией РФ наделен полномочием определять направления внешней и внутренней политики страны. Во-вторых, с содержательной точки зрения данный стратегический акт апеллирует к тем ценностям, которые предшествуют по своей значимости и природе даже самому конституционному акту. Соответственно, они не были установлены стратегическим документом, но были лишь выражены им. Благодаря правовой форме данные ценности получили дополнительные инструменты по защите и реализации. По причине фундаментального характера традиционных ценностей их цельное претворение в социальные практики требует широкого вовлечения

Чуйченко Константин Анатольевич — министр юстиции Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Житная, 14; info@minjust.gov.ru

Кропачев Николай Михайлович — д-р юрид. наук, проф., чл.-корр. РАН, ректор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.kropachev@spbu.ru

Кондуров Вячеслав Евгеньевич — канд. юрид. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.kondurov@spbu.ru

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом научного проекта № 23-28-00973 «Догма публичного права в условиях постглобализации».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

в осуществление правовой политики гражданского общества и его институтов, в особенности университетов и научно-исследовательских центров.

Ключевые слова: правовая политика, политика права, ценности, традиционные ценности, традиционные духовно-нравственные ценности, акты стратегического планирования, документы стратегического планирования, стратегическое планирование.

Введение

В последние годы Россия столкнулась с беспрецедентным давлением недружественных стран во всех ключевых областях социальной жизни: в экономике, политике, сфере нравственности и идентичности (со стороны деструктивных идеологий). Интенсивность текущего противостояния диктует высокую динамику изменений, а потому особую значимость приобретает и планирование на долгосрочную перспективу¹, которое могло бы поддержать стабильность, определенность и спокойствие внутренней правовой жизни. Вряд ли можно считать совпадением, что именно в 2014 г., на первом этапе усиленного враждебного воздействия стран «коллективного Запада», был принят Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о стратегическом планировании). Не менее симптоматично с политико-правовой точки зрения и утверждение Президентом РФ в 2022 г., на втором этапе геополитического противостояния, Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее также — Основы, Основы государственной политики).

В сложившихся обстоятельствах, когда борьба протекает не только на уровне военного и экономического противостояния, но и на ценностном уровне, представляется особенно важной актуализация диалога о специфической, в том числе правовой, природе Основ государственной политики, а также о роли институтов гражданского общества, каждого гражданина в их реализации и контроле за их исполнением.

Для достижения указанной цели далее мы полагаем обоснованным, во-первых, обратиться к природе документов стратегического планирования в контексте правовой политики, во-вторых, определить специфику Основ государственной политики и, наконец, в-третьих, задаться вопросом о возможных формах реализации и контроля за ней, в том числе с учетом выявленной правовой сущности соответствующего стратегического акта.

1. Документы стратегического планирования в контексте правовой политики

В современной науке правовая политика преимущественно осмысливается как своеобразная деятельность *органов публичной власти и институтов гражданского общества*, которая заключается в осуществлении правового регулирования в свете достижения таких целей, как «наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности»².

¹ О взаимосвязи кризиса и стратегического планирования см., напр.: *Бабина О. И.* Стратегическое планирование на мезоуровне: генезис, принципы, проблемы и методы // *Сибирский журнал науки и технологий.* 2017. Т. 18, № 4. С. 959; *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // *Вестник РАН.* 2020. Т. 90, № 5. С. 403.

² *Малько А. В.* Правовая политика как категория XXI века // *Государство и право.* 2012. № 11. С. 6.

Вместе с тем правовая политика не сводится к одному только созданию правовых механизмов достижения юридически значимых целей, в нее включается и само стратегическое целеполагание.

В стратегическом аспекте ключевую роль играют уже не столько законодательные нормативные правовые акты, служащие, в первую очередь, юридическому оформлению социальных отношений, направленные на конкретизацию положений действующей Конституции РФ и т. д., сколько документы стратегического планирования (далее также — стратегические акты, акты стратегического планирования, стратегические документы). Рост интереса к данным актам, как в научном, так и в профессиональном поле, был связан преимущественно со вступлением в силу Федерального закона о стратегическом планировании.

Однако следует отметить, что именно формулировки данного Закона отчасти внесли неясность в вопрос о природе документов стратегического планирования, что повлекло за собой неопределенность механизмов их реализации и неочевидность необходимости контроля за последней. В Федеральном законе о стратегическом планировании (п. 10 ст. 3) документ стратегического планирования определяется просто как «документированная информация», пусть и разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая участниками стратегического планирования.

Настоящая статья не ставит целью глубоко погружаться в доктринальные споры относительно определения природы актов стратегического планирования, поэтому укажем лишь на несколько важных в контексте рассмотрения моментов.

Очевидно, акты стратегического планирования являются разновидностью документов, что напрямую следует из определения, данного в Федеральном законе о стратегическом планировании. Представляется при этом, что такого рода акты лишь в самом широком смысле можно назвать «управленческими» или «административными»³, имея в виду, что планирование является естественным этапом всякого управленческого процесса. Тем не менее в правовой перспективе такого рода документы следует считать политическими. В обоснование этого факта приведем два соображения: 1) стратегические акты устанавливают цели правового регулирования, а поскольку политика права, как было отмечено, является в том числе целеполаганием, названные акты обладают политической природой; 2) управление в правовой перспективе представляет собой властную деятельность, которая осуществляется во исполнение правовых норм в рамках предусмотренных правом полномочий властного субъекта. Действительно, стратегические документы принимаются на основании соответствующего федерального закона и по своему правовому эффекту в первую очередь оказывают воздействие на властные органы, ответственные за конкретные направления. Однако воздействие стратегических актов куда шире и распространяется на субъектов, которые, например, не подчинены тому актору, который создает соответствующий стратегический акт. Так, ежегодное Послание Президента РФ к Федеральному Собранию РФ прямо названо подпунктом «а» п. 1 ч. 3 ст. 11 Федерального закона о стратегическом планировании документом стратегического планирования, однако Федеральное Собрание РФ не находится в прямом (тем более в административном) подчинении Президенту РФ.

Кроме того, в соответствии с названным Федеральным законом участниками стратегического планирования являются не только государственные органы, но и муниципальные, а также организации (ст. 9). Таким образом, круг участников

³ Селиванов А. И., Трошин Д. В. О методологических основаниях реализации закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 3. С. 19; Зубарев С. М. Стратегические акты управления в области обеспечения национальной безопасности // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11. С. 24.

стратегического планирования не всегда предполагает строго управленческие отношения между ними.

Наконец, существует черта стратегического планирования, которая нередко опускается при научном анализе, а именно направленность на консолидационную, совместную реализацию соответствующей политики как органами публичной власти, так и институтами гражданского общества⁴.

Так, в соответствии с п. 103 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400) ее реализация происходит путем согласованных действий *органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества* под руководством Президента РФ. В равной мере и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей ориентируют на как можно большее включение институтов гражданского общества в соответствующую политику (пп. «д» п. 26).

Наконец, сам Федеральный закон о стратегическом планировании в ст. 1 прямо указывает на принципиальный характер взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования, поскольку включает их в предмет собственного регулирования.

В этом смысле стратегическое планирование может быть понято как институт мягкой мобилизации гражданского общества, без которого его реализация становится немыслимой. Данная черта, впрочем, кажется естественной, если иметь в виду, что приведенное ранее определение правовой политики включает в качестве субъекта институты гражданского общества, а это дополнительно подкрепляет утверждение именно о политическом характере соответствующих документов.

Одновременно акты стратегического планирования обладают, конечно, и правовой природой в силу не только формальных признаков (изданы компетентным органом в пределах полномочий, оформлены как правовой акт документ и т. д.), но и специфики их воздействия на общественные отношения.

Ключевым признаком документа, который позволяет отнести его к нормативным правовым актам, является так называемый императивно-атрибутивный характер. Иными словами, всякий нормативный правовой акт содержит такое правило должного поведения, которое распределяет между субъектами отношения права и обязанности⁵. Представляется, что у многих, в том числе у ключевых, документов стратегического планирования, данный признак присутствует и напрямую, и опосредованно. Так, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей фактически напрямую говорят об активной обязанности органов публичной власти разрабатывать документы стратегического планирования с учетом целей и задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (пп. «б» п. 25).

В литературе⁶ вполне справедливо отмечается, что стратегическим актам в целом свойственно порождать общую обязанность по разработке и принятию нормативных правовых актов на их основе и во исполнение, что также следует

⁴ Подобным образом об этом пишет А. Г. Головин: «В настоящее время важнейшие документы стратегического планирования в Российской Федерации исходят из концепции консолидации усилий публичной власти и гражданского общества для достижения национальных целей развития нашей страны» (Головин А. Г. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 5. С. 82).

⁵ Тимошина Е. В., Поляков А. В. Общая теория права. Учебник. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. С. 210, 230–232.

⁶ Залоило М. В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 46–47.

учитывать при оценке природы соответствующих документов. В этом контексте можно лишь пожелать, чтобы органы публичной власти, осознавая такую обязанность в полной мере, прямо отражали в принимаемых нормативных правовых актах те ценности и цели, ради которых соответствующий акт принимается.

Важно добавить, что такая общая обязанность не сводится к одному лишь принятию новых нормативных правовых актов, а предполагает и ревизию старых, но действующих правовых актов на соответствие стратегическим актам, а также последующий контроль реализации стратегической документации и принятых на ее основании правовых актов правоприменительной практики.

Нельзя отрицать, что в свое время анализ документов стратегического планирования привел некоторых авторов к выводу, что такого рода документы представляют собой разновидность «мягкого права», которое лишь оказывает влияние на политические институты⁷. Возможно, что некоторые из нескольких тысяч ныне действующих документов стратегического планирования являются лишь политическими актами, но это, очевидно, не может быть отнесено ко всем из них. Конечно, правильнее было бы обсуждать природу каждого конкретного стратегического акта, имея в виду содержащиеся в нем положения. Однако с учетом тематики статьи все перечисленные выше спорные признаки правового характера продемонстрированы нами на примере Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а потому в юридическом характере данного акта вряд ли следует серьезно сомневаться.

Определение правового элемента природы документов стратегического планирования, в особенности Основ государственной политики, необходимо, поскольку следствием этого является тезис о том, что документы стратегического планирования (в том числе упомянутые Основы) не требуют сами по себе издания неких управленческих актов-распоряжений для того, чтобы их реализация стала обязательной для участников стратегического планирования, прежде всего для органов публичной власти. В противном случае, будь такого рода документы лишь пустой декларацией, вряд ли можно было считать сколь-либо обоснованным проведение мониторинга, оценку эффективности реализации его положений. Однако порождаемая актами стратегического планирования общая *правовая* обязанность предполагает такую оценку.

2. Специфика Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей

Утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей являются одним из документов стратегического планирования⁸ и разделяют их природу, кратко описанную нами ранее. Подобно иным стратегическим актам, они обладают смешанной политико-правовой

⁷ См.: Там же. — Однако встречается и обратное утверждение о юридическом характере соответствующих актов (см., напр.: *Мамяшева Д. Р.* 1) Правовая природа актов стратегического планирования // Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 2. С. 50; 2) Понятие и признаки актов стратегического планирования // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18, № 4. С. 94).

⁸ В научной литературе встречается утверждение о том, что основы государственной политики не должны относиться к стратегическому планированию, поскольку не существует достаточно четкого критерия их отграничения от других стратегических актов (см., напр.: *Говорухина Ю. В.* Стратегия как правовой документ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 19).

природой, оформляют цели правовой политики, предполагают солидарное участие институтов публичной власти и гражданского общества (п. 9, пп. «е» п. 24, пп. «д» п. 26), а также не требуют принятия дополнительных управленческих актов для непосредственного распространения своего юридического воздействия. Вместе с тем среди прочих документов стратегического планирования названные Основы обладают серьезной спецификой.

С формальной точки зрения Основы государственной политики были утверждены указом Президента РФ. Это означает, что данный документ стратегического планирования касается именно *государственной* правовой политики. При этом даже в данном контексте он обладает известной особенностью, поскольку Президент РФ наделен полномочием определять основные направления внешней и внутренней политики Российской Федерации (ч. 3 ст. 80 Конституции РФ). В связи этим все документы стратегического планирования, утверждаемые Президентом РФ (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, ежегодное Послание Федеральному Собранию РФ и др.), наделены приоритетным положением по сравнению с иными стратегическими актами государственной правовой политики, не говоря о документах стратегического планирования вообще.

По этой причине рассматриваемые Основы государственной политики не могут восприниматься изолированно, они действуют во взаимосвязи с другими документами стратегического планирования, такими как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. и др. (п. 3 Основ государственной политики).

Вместе с тем вышеизложенное не исчерпывает в полной мере вопрос о специфическом характере данного документа. Особый статус Основ государственной политики продиктован и спецификой самого своего содержания: традиционные российские духовно-нравственные ценности, перечисляемые в Основах, не установлены ими, а предшествуют всякому волевому установлению. Как отмечалось ранее в литературе, «ценности нельзя установить волевым предписанием, хотя с помощью волевого предписания можно создать условия для формирования, развития и поддержки определенных ценностей за счет создания соответствующих социальных институтов»⁹. Данное утверждение косвенно подтверждается и позицией Конституционного Суда РФ, который неоднократно отмечал, например, что Конституция РФ в ст. 38 возлагает на государство обязанность по защите материнства и детства именно потому, что «семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России» (постановления от 31.01.2014 г. № 1-П, от 16.06.2015 г. № 15-П, от 20.06.2018 г. № 25-П и др.).

Тем самым Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей перечисляют в п. 3 те ценности, которые лишь находят оформление в политико-правовых актах, в том числе в Конституции РФ, но сами по себе предшествуют им и обладают собственной значимостью и обязывающей силой. Таким образом, данные Основы государственной политики оказываются по своей природе связаны с той абсолютной конституцией, которая определяет само существование ядра идентичности российской государственности и многонационального народа России.

⁹ Кропачев Н. М., Архипов В. В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 2. С. 300.

3. Реализация и контроль государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей

Указанный особый статус Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей делает еще более актуальным вопрос о формах реализации данного стратегического документа и контроля за ними. Сами Основы государственной политики определяют четыре типа инструментов реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей: правовые, организационные, научно-аналитические и информационные (п. 25–28).

К *правовым инструментам* реализации при этом относятся: а) совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; б) разработка органами публичной власти документов стратегического планирования с учетом целей и задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (п. 25).

К *основным организационным инструментам* относятся: а) разработка органами публичной власти планов мероприятий по реализации Основ; б) оценка проектов (в том числе информационных и иных материалов), программ и мероприятий на предмет соответствия традиционным ценностям при решении вопроса о целесообразности их государственной поддержки; в) мониторинг достижения целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, в том числе выполнения планов мероприятий по реализации Основ; д) привлечение институтов гражданского общества, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (п. 26).

К *научно-аналитическим инструментам* реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей Основами отнесены: а) проведение исследований по вопросам, связанным с реализацией государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, *включая оценку эффективности* реализации соответствующих программ и проектов; б) разработка методических рекомендаций по реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (п. 27).

Наконец, к информационным инструментам отнесено только взаимодействие органов публичной власти со средствами массовой информации и массовых коммуникаций в целях популяризации и продвижения традиционных ценностей (п. 28).

Из приведенных выше положений Основ видно, что спектр возможных инструментов сформулирован достаточно широко, хотя и максимально общим образом. При этом под категорию контроля реализации подпадают разве что мониторинг и научно-аналитическая оценка эффективности реализации программ и проектов, принятых во исполнение анализируемых Основ государственной политики.

Определенные уточнения в части контроля реализации в форме мониторинга обнаруживаются далее, особенно в п. 29 Основ, где указано, что мониторинг достижения целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей требует разработки соответствующей системы показателей, основанных на следующих данных: а) официальная статистическая информация; б) итоги социологических исследований; в) результаты, полученные при мониторинге проблемных ситуаций, связанных с сохранением и укреплением традиционных ценностей (по субъектам Российской Федерации и сферам ответственности органов публичной власти).

Однако Основы государственной политики не содержат прямого указания на субъектов подобного контроля, а также на тех, кем будут разработаны соответствующие показатели, проведены исследования и т. д.

Особую роль в данном контексте, по нашему мнению, должны играть именно институты гражданского общества: научные, образовательные, религиозные, экспертные и прочие организации. Такого рода подход представляется обоснованным в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, в силу п. 32 Основ государственной политики вопрос об их корректировке по результатам оценки эффективности реализации соответствующей политики должен ставиться не реже одного раза в шесть лет. Это означает, что фактически должны проводиться непрекращающиеся исследования, предполагающие привлечение разнопрофильных специалистов: социологов, юристов, политологов и т. д. В связи с этим будет эффективнее создать научно-исследовательские центры и институты, которые бы на постоянной основе вели такого рода работу.

Во-вторых, и системно истолкованные положения Основ государственной политики, и, как было ранее отмечено, сама природа стратегических актов ориентируют на максимальный уровень консолидации усилий органов публичной власти и институтов гражданского общества для реализации соответствующей политики.

В-третьих, закрепляемые Основами государственной политики ценности, в том числе ценность гражданственности, ориентируют на активное участие граждан в осуществлении политики. Широкое участие институтов гражданского общества, в особенности университетов, воспитывающих новые кадры, в контроле и оценке результатов реализации положений Основ государственной политики само по себе уже будет означать шаг к достижению поставленных стратегическим актом целей.

Конечно, оценка эффективности, предполагаемая как форма контроля самими Основами государственной политики, ориентирует на использование методов социологии¹⁰. Вместе с тем Основами предполагается и весьма широкое привлечение представителей юридической науки, что на данном этапе имеет даже большее значение, поскольку действительный социальный эффект стратегий будет раскрыт в полной мере после прояснения положений Основ государственной политики и приведения в соответствие с ними нормативных правовых актов. Значимость же социологического направления сейчас связана не с оценкой степени влияния на социальные отношения рассматриваемого акта стратегического планирования, а с выявлением лагун в понимании гражданами традиционных ценностей, проблем реализации и распространения традиционных ценностей и т. д.

В юридическом же контексте речь может идти о сугубо догматических исследованиях природы стратегических актов, об их взаимосвязи друг с другом, о раскрытии содержания положений Основ, закрепляющих ценности, об анализе соответствия Основам принятых и планируемых к принятию нормативных правовых актов и т. д. В равной мере востребованы и смежные, социолого-юридические исследования, в том числе в форме мониторинга соответствия стратегическим актам правоприменительной практики.

¹⁰ Исследования такого рода, в том числе в части поиска эффективных инструментов, проводятся, особенно в контексте оценки традиционных ценностей молодым поколением (Исаев А. В., Михалев И. В., Титова Е. В. Формирование семейных ценностей в студенческой среде (социологический анализ) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 45–58; Катуржевская О. В., Кочурина Т. С. Выявление отношения современного подрастающего поколения к традиционным ценностям // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 129–132).

Закключение

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей стали вехой в организации правовой политики в России. Нельзя не признать, что ясное формулирование традиционных ценностей после многих лет забвения уже оказывает правовой эффект на российское общество, резонируя при этом со всей имплицитной системой ценностей каждого гражданина России, возрождает его чувство сопричастности судьбам Отечества и своих сограждан.

В настоящей статье мы попытались указать на ключевые особенности юрико-политической природы данного акта, показать его место в контексте правовой политики и обозначить те элементы в реализации Основ, контроле за ними, которые видятся наиболее существенными.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей представляют собой политико-правовой акт, который в силу специфической природы закрепляемых им ценностей оказывается фундаментальным для всей правовой системы России. В связи с этим реализация данного акта даже в большей мере, чем других документов стратегического планирования, требует активного участия гражданского общества и его институтов. По этой причине мы указали на важность широкого вовлечения последних не только в вопросы реализации соответствующей политики, но и в процессы контроля за ней. В особенности это касается научно-аналитических центров, университетов, которые могли бы исследовать проблемы и вызовы политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей на междисциплинарной основе.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2024 г.
Рекомендована к печати 22 февраля 2024 г.

Traditional Russian spiritual and moral values in the context of modern legal policy*

K. A. Chuychenko, N. M. Kropachev, V. E. Kondurov

For citation: Chuychenko K. A., Kropachev N. M., Kondurov V. E. 2024. Traditional Russian spiritual and moral values in the context of modern legal policy. *Pravovedenie* 68 (2): 156–165. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.201> (In Russian)

This article is dedicated to the study of the legal nature of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, to determine the role and influence of this strategic planning document on the legal system of the Russian Federation. The authors conclude that the mentioned Fundamentals of State Policy is a political and legal act, which, due to the specific nature of the values it establishes, has a special legal significance in the legislative system of Russia. Firstly, from a formal point of view, the Fundamentals of State Policy differs from many other strategic documents in that it was approved by a decree of the President of the Russian Federation, who, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, is empowered to determine the directions of the country's foreign and domestic policy. Second, from a substantive point of view, this strategic act appeals to

* The research was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00973 “Dogma of public law in the context of post-globalization” (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00973/>).

values that are prior in importance and nature even to the constitutional act itself. Accordingly, they were not established by the strategic document, but were merely expressed by it. Due to the legal form, these values have been given additional tools for protection and implementation. Because of the fundamental nature of traditional values, their integral incorporation into social practices requires the broad involvement of civil society and its institutions, especially universities and research centers.

Keywords: legal policy, policy of law, values, traditional values, traditional spiritual and moral values, acts of strategic planning, strategic planning documents, strategic planning.

References

- Babina, Olga I. 2017. Strategic Planning at the Mesolevel: Genesis, Principles, Problems and Methods. *Siberian Journal of Science and Technology* 18 (4): 958–967. (In Russian)
- Golovin, Aleksey G. 2022. Interrelationship between Civil Society and Public Power in the Context of the Concept of Delegation of Power by the People. *Lex Russica* 75 (5): 71–88. (In Russian)
- Govorukhina, Yulia A. 2021. *Strategy as a Legal Document: PhD thesis*. N. Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs. (In Russian)
- Isaev, Alexey V., Mikhalev, Igor V., Titova, Elena V. 2022. Formation of Family Values in The Student Environment (Sociological Analysis). *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta* 4: 45–58. (In Russian)
- Katurzhevskaya, Olga V., Kochurina, Tatiana S. 2023. Revealing the Attitude of the Modern Growing Generation to Traditional Values. *Problems of Modern Pedagogical Education* 72 (2): 129–132. (In Russian)
- Khabrieva, Taliya Y. 2020. Constitutional Reform in Russia: In Search of National Identity. *Vestnik of the Russian Academy of Sciences* 90 (5): 403–414. (In Russian)
- Kropachev, Nikolay M., Arkhipov, Vladislav V. 2023. Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Digital Transformation of Society: Aspects of Legal Theory. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 294–306. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.201> (In Russian)
- Malko, Alexander V. 2012. Legal Policy as a Category of XXI Century. *State and Law* 11: 5–13. (In Russian)
- Mamyasheva, Diana R. 2023. The Concept and Features of Strategic Planning Acts. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS* 18 (4): 78–107. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-4-mamyasheva> (In Russian)
- Mamyasheva, Diana R. 2023. The Legal Nature of Strategic Planning Acts. *Legal Concept* 2: 50–59. (In Russian)
- Polyakov, Andrey V., Timoshina, Elena V. 2017. *General theory of law*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Selivanov, Alexander I., Troshin Dmitrii V. 2015. On the Methodological Principles for Implementation of Law No. 172-Fz “On the Strategic Planning in the Russian Federation” Of 28.06.2014 *Economic. Taxes. Law* 3: 18–23. (In Russian)
- Zaloilo, Maxim V. 2018. The Effectiveness of Law-Making through Strategic Planning. *Journal of Russian Law* 4: 43–53. (In Russian)
- Zubarev, Sergey M. 2022. Strategic Management Acts in the Field of National Security. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)* 11: 21–29. (In Russian)

Received: February 14, 2024

Accepted: February 22, 2024

Konstantin A. Chuychenko — Minister of Justice, Ministry of Justice of Russian Federation, 14, ul. Zhitnaya, Moscow 119991, Russian Federation; info@minjust.gov.ru

Nikolay M. Kropachev — Dr. Sci. in Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; n.kropachev@spbu.ru

Viacheslav E. Kondurov — PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; v.kondurov@spbu.ru